

КУКУШОНОК В ГНЕЗДЕ

Мой приятель режиссер Саша Серый трагически умер, когда я снимал фильм в экспедиции. Я не прилетел на похороны, даже телеграммы не послал. Не знал. О необъяснимых драмах у нас сообщают тихо и глухо.

У Александра Серого была в прошлом яркая работа «Джентльмены удача» — веселый, умный фильм. Но потом как-то не заладилось. Человек был с виду крепкий, сдержанный, но взрывчатый. Нетрудно представить себе проблемы режиссера, который три года ходит без работы в постоянном напряжении.

А за это время на «Мосфильме» бродили и закатывались новые формы. Рухнули старые объединения, возникли новые. Ни в одном из них для Серого не нашлось работы. Молодые дебютанты, по многу лет ожидающие постановку, подперли снизу и вытеснили, как тесто из кастрюли, пятидесятилетних профессионалов, не оснащенных идеями новаторских картин. Некоторое время казалось, что еще можно вернуться туда, где бродит теплое, привычное. Кто-то воспринял это как факт, с которым надо считаться. Другие... Что строить домыслы над могилой. Я знаю, что отлучение от любимого дела было, скажем так, не последней причиной трагического стресса.

Жизнь — процесс драматический. А ломка рутины тем более. Однако все социальные процессы оцениваются нами по критериям гуманности и социальной заботы не о тех, кто в первых рядах. Отчаянный и беспомощный крик вытесненных был воспринят едва ли не с удовлетворением. Ага, прищемили бездарных. Сейчас то и дело слышишь: не надо думать о средних режиссерах. Подумайте о миллионах зрителей. Нет, я не верю в успех обновления, которое рвется к счастью, наступая на слабых.

Читаем в газетах: некоторые прокуроры спешат разоблачать «мафии», надо быстро отчитаться. Режъ по живому, а порой страдают невинные.

Не случайно юристы интенсивно ищут структуру социальной защиты от безнаказанного самоуправства.

В кино нет преступников. Однако социальная защита нам нужна уже на первых шагах перестройки. Без нее слабым станет еще хуже.

Но для того чтобы лучше разобраться в изменившейся ситуации, давайте взглянем в «сильных». Для кого и что переменялось на прихотливой карте кинематографа? Кому сегодня «живется весело»? И так ли весело, как кажется со стороны.

Расширились международные контакты. Стало проще художникам работать за рубежом. И это хорошо, хотя и имеет отношение к узкому кругу выдающихся или изворотливых. Несколько лет назад отъезд Андрея Кончаловского на работу в Америке был сенсацией, взбудоражившей умы в коридорах «Мосфильма» и кабинетах чиновников. А теперь совершенно естественно и незаметно Никита Михалков вписался в европейскую культуру сперва с успешным фильмом, затем с сенсационной театральной постановкой. Отар Иоселиани развивает давно начатые контакты с французским кинематографом. Ираклий Квирикадзе готовится в Париже и в Америке к постановке фильма. Но такие контакты естественны для русской культуры. Возобновилась искусствен-

но прерванная традиция, по которой Россия считала себя частью культурной Европы. Никому в прошлом не приходило в голову упрекать Тургенева, Глинку или Александра Иванова за работу на земле иной. Это приводило только к взаимному обогащению культур.

Теперь на минутку отвлечемся от приятного во всех отношениях аспекта нового мышления и, отложив его в памяти, взглянем в полуметные маленькие павильоны «Союзмультфильма».

Там выстроилась длинная очередь режиссеров, которые ждут месяцами своего места в небольшом павильоне за мультстанком. И в порядке общей очереди место получил режиссер Юрий Норштейн. Но, заняв это место на строго положенный срок, он не стал снимать обычную продукцию, а сделал, как, впрочем, и прежде, нечто из ряда вон выходящее. Мировое сообщество мультипликаторов дружно назвало Норштейна автором лучшего фильма всех времен и народов. И у Норштейна есть все внешние признаки уважения. Он лауреат, секретарь правления союза. Но он не закончил в срок работу и его выкинули из павильона. А рабочее место законно заняли другие, следующие по очереди. Норштейн человек чрезвычайно деликатный. Он показал незаконченный фильм в Союзе кинематографистов и попросил помочь найти ему помещение для завершения фильма. Все пришли в восторг и обещали помочь. Тем более что у Норштейна созрел мощный замысел большой картины. Однако год Норштейн был без работы. За это время неоконченный фильм посмотрели многие зарубежные специалисты, и по миру пошла легенда о незавершенном шедевре Норштейна. А он все без работы и без места. Ходит, ищет, просит. Все его уважают, он член комиссий, педагог... А работать ему обещают, но не дают. И прошло уже полтора года. Наконец Международная ассоциация мультипликационного кино прислала в Москву письмо по адресам разных начальников, где просит командировать Норштейна для окончания фильма в любую страну мира, а она, эта ассоциация, гарантирует все валютные расходы. Тут бы и наступить счастливой кульминации.

Но... начинается самое забавное. Норштейн не хочет ехать за границу и в условиях комфорта и достатка завершать свой фильм. Он хочет завершить его на Родине. Одни хотят ездить, другим нужен дом родной. Еще не известно, кто из них дальновиднее. Это выясняется не сразу, а через много лет. И смотрите, как странно изменились условия творчества. Если бы Норштейн взял под мышку свою пленку и поехал доделывать фильм в Канаду или в Бельгию, все было бы нормально. Все были бы довольны. Но он не едет и создает неразрешимую проблему. Оказывается, сегодняшнее производство не может за полтора года найти в Москве и арендовать помещение в 150 кв. метров даже для «лучшего в мире». А у союза много свободных денег, но нет права их тратить на производство фильмов. И режиссер все ходит с неоконченным фильмом. А этот фильм предположительно — шедевр.

Уж если самый лучший с самой перспективной в художественном отношении работой выпал из структуры производства и не может полтора года в нее вписаться, представляю

(Окончание на 4-й стр.).

КУКУШОНОК В ГНЕЗДЕ

(Окончание. Начало на 3-й стр.).

бе, что будет с другими, не самыми лучшими без потенциальных шедевров под мышкой.

Мы вытащили на свет старые, запрещенные картины. Хорошо! Но наше дело — новые фильмы. А с производством фильмов застелевая структура не приобрела пока дополнительной гибкости и вариантности. Все, как было. Выпал из гнезда — гибни. Вытолкнули — гибни. Художники первыми осознали свою часть ответственности за горестное положение кино. И первыми предложили — пусть нам, ворцам, станет хуже, мы готовы! Только давайте все вместе (творчество, производство, прокат) дружно попробуем сдвинуть с места ту вросшую в землю колымагу!

Взглянем на прокат. Цифры драматичны — нас не смотрят. И вот Сергею Соловьеву, режиссеру «Мосфильма», пришла в голову творческая идея.

То, что он придумал, никого не обижало, никого не унижало. Московский кинотеатр «Ударник», по его мысли, превращался в своеобразный зрелищный центр. Там должен был проходить премьерный показ фильма «Асса». Зритель, приходя в этот центр, попадал бы сперва на выставку молодежи, потом на концерт молодежной музыки, и лишь в завершение ему показали бы фильм и предложили дискуссии о нем и о роли искусства в жизни. То-моему, прекрасно! Допускаю, что не все нюансы были учтены при подготовке первого опыта, да и возможно ли это! Но новация Соловьева состояла в том, что он предложил провести праздник-спор в атмосфере искусства.

К тому же была предложена дополнительная модель структуры проката, которая способна оживить его. Перспективная модель. Словом, адежд было много. Чем же еще встречать озрасчет в кино, на который мы сами напролились, как не новыми «агрессивными» формами вовлечения зрителей в мир духовных ценностей? За две недели до премьеры московская инфофикация отменила все, перечеркнув многомесячные и дорогостоящие подготовительные работы. И никакого значения не имеет здесь, насколько уязвима, не во всем совершенна «Асса». В предложениях Соловьева, поддержанных многими участниками пленума правления Союза кинематографистов, бьется пульс будущих надежд на обновление кино. Утнимите у нас эти надежды, и что останется? Организованные шествия на гальванизированные «всесоюзные премьеры»? Пышная показуха в зияющей черноте безлюдных кинотеатров? Было! Провалилось!

Мне не близка «Асса». Я сам ишу другой резерв вовлеченности и контактности. Кто-то шет третий путь, четвертый... Это нормально. Соловьев — фигура уникальная. Он соединяет ар нежного лирика с изворотливостью жонгера, пробойность маленького танка с обходительностью гейши.

Если одному из самых талантливых, удачливых и энергичных режиссеров, лауреату, еятелю, секретарю союза не удалось хоть что-о изменить в практике проката... Что же деать всем, кто не танк и не гейша?

Структура проката не хочет меняться. Раотникам проката удобно гнать наши фильмы о старинке. Они цепляются за все. Новая ультура проката в конфликте с их бескультурьем. Придумали причину отказа. В «Ударнике», видите ли, перекрыты слабые. Да что им, участники премьеры по потолкам, что ли, обрались бегать? Не упыри же!

Итак, у нас нет социальной защиты для тех, кто не в состоянии сразу круто перестроиться. Нет пока еще нормальных условий для созревания творческих замыслов в «рядовом» искусстве. Нет возможности заботливо помочь рождению шедевра, зреющему на наших глазах. Нет доверия к художнику, который хочет спора-праздника вокруг своей живой картины. И приближается хозрасчет.

Спустимся с высоты искусства на реальную землю. Нетрудно представить, что произойдет в недалекой перспективе, если производство и прокат пойдут по старинке. Хозрасчет в этих условиях добьется только одного: и без этого небогатые кинематографисты совсем обеднеют... Для справки — среднемесячный заработок профессионального кинорежиссера, члена творческого союза — 110—120 руб. Это при наличии редких крупных выплат по окончании фильма. Но раньше хоть была стабильная надежда: окончится фильм, можно 5—6 месяцев не думать о хлебе насущном, разрабатывать идею следующего фильма. Теперь и этого не будет.

Мрачно? Ничуть! Предложите другой вариант.

И вот еще один пример. На этот раз собирательный. Подчеркиваю, чтобы сразу же несколько режиссеров не обиделись. Некий режиссер, мрачное исчадие застойных лет, снял бездарный фильм и вызвал безразличное отращение коллег. Его топтали в прессе. Но вот он встретил меня сияющий: «Поздравь, я в пятерке самых кассовых режиссеров!» Он на коне. Хозрасчет близок. И в моей душе мое маленькое коммерчески успешное «я» плюнуло в лицо другому «я», взвинченному недостижимостью идеала художнику. Так что, друзья, руководители творческих студий, как долго вы будете различать нас, художник от нехудожника? Когда подопрет и пойду? убытки, вы возьмете на фильм бездарного чемпиона кассы в надежде, что он спасет вас от разорения, потому что хозрасчет жесток к неудачникам. Потому что производство привычно проволочет умельца по павильонам, а прокат привычно прокатит его фильм, снабдив традиционным штампом: «остросюжетный», «мелодрама», «приключение», «зрелищно».

Когда мы начали вытаскивать ноги из болота застоя, казалось, только бы выйти на сухую тропинку, а там побежим к солнцу, как счастливые дети, растопырив руки. Нет. Предстоит долгий, тяжелый путь. Это ясно. Подлинные сложности только начинаются. Надо осознать это. Для бюрократии сама мысль о долгой перспективе изменений неприемлема. Они видят мир окончательно устроенным, только в таком мире для них есть важное место. А мы, вступая в борьбу за искусство, достойное любви народа, должны быть защищенными в социальном отношении. Тогда борьба может стать длительным процессом. Между тем модель перестройки, предложенная союзом, на мой взгляд, оказалась усеченной именно в социальных гарантиях творчества. А новый Кинофонд Союза кинематографистов пока формулирует свои намерения с туманной неопределенностью.

Какой же выход? Надо поощрять создание дополнительных и альтернативных структур. Но пока они не утвердились, для творческой части кино хозрасчет, как мне кажется, чреват авантюрой. Мы еще не подкреплены ни сценариями, ни техникой, ни новыми формами организации производства и проката. Можете переставить этот абзац в начало статьи и вслед за ним прочитайте горькие слова памяти моего товарища.